Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 211–218
*State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):211–218
Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32+316
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-211-218 EDN YFEVIE

# Образ 90-х гг. в представлениях различных поколений: по материалам социологического исследования

**Андрей Васильевич Тупаев**

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
avtupaev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0263-4053

***Аннотация***

**Введение.** В силу сложившейся геополитической обстановки и политической повестки в современном общественном дискурсе происходит конструирование самодостаточности культурно-цивилизационной модели российского государства в мировоззрении россиян. Данный процесс предполагает наличие закрепленных в коллективной памяти образов и оценок ключевых исторических событий. Актуальность в контексте нашего исследования обусловлена возможностью деконтестации образа 90-х гг. из современного российского дискурса, а также в определении его места в мировоззрении различных поколений как одного из ключевых периодов прошлого.

**Цель.** На основе полученных социологических данных проанализировать образ 90-х гг. в поколенческих группах «X», «Y» и «Z».

**Теоретические основы.** Методологическая рамка включает в себя четыре основных компонента. Во-первых, теории коллективной памяти и социального забвения как элементов конструирования реальности. Во-вторых, когнитивно-ценностная структура мировоззрения россиянина: конструкт анализа различных компонентов мировоззрения, в нашем случае образа 90-х гг. Третья составляющая представлена теорией поколений, в соответствии с которой индивиды причисляют себя к той или иной социальной группе (поколению) на основании репрезентации о совокупности схожих качеств, определенных при помощи самокатегоризации. В-четвертых, морфологический анализ, который позволит провести деконтестацию девяностых как отдельного элемента политического дискурса.

**Результаты и выводы.** Статья освещает некоторые *результаты* социологических исследований, проведенных в 2024 г. в рамках реализации проекта: «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения». Основным предметом для анализа послужили транскрибированные данные, полученные в результате проведенных фокус-групп. Основываясь на проработанных материалах, возможно сделать следующие *выводы* о периоде 1990-х гг.: во-первых, определяется респондентами как один из ключевых пунктов, через который происходит обоснование легитимности существующего политического порядка, во-вторых, имеет достаточно противоречивый образ, что замедляет процесс конструирования и закрепления доминирующих представлений в коллективной памяти, в-третьих, продолжает оставаться предметом символической борьбы в политике и культуре, вследствие чего в российском обществе параллельно существуют противоположные оценки одних и тех же исторических событий, в-четвертых, в российском обществе сформирован устойчивый интерес к периоду 90-х гг., что влечет за собой коммерциализацию образа и эксплуатацию ностальгических переживаний.

***Ключевые слова:*** девяностые, мировоззрение, культурные универсалии, поколения, политический дискурс, поколение «X», поколение «Y», поколение «Z», ценности, когнитивно-ценностная структура, легитимность, политические идеологии, коллективная память

***Благодарности:*** Публикация подготовлена в рамках гранта ЭИСИ № FENW-2024-0024 по теме: «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения».

***Для цитирования:*** Тупаев А. В. Образ 90-х гг. в представлениях различных поколений: по материалам социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 211–218. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-211-218. EDN YFEVIE

© Тупаев А. В., 2025

Politology and Ethnopolitics

Original article

# The image of the 90s in the representations of different generations: based on the materials of a sociological study

**Andrey V. Tupaev**

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
avtupaev@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0263-4053

***Abstract***

**Introduction.** Due to the current geopolitical situation and the political agenda in modern public discourse, the self-sufficiency of the cultural and civilizational model of the Russian state is being constructed in the worldview of Russians. This process presupposes the presence of images and assessments of key historical events fixed in the collective memory. The relevance in the context of our research is due to the possibility of deconstructing the image of the 90s from modern Russian discourse, as well as determining its place in the worldview of various generations as one of the key periods of the past.

**Purpose.** Based on the obtained sociological data, to analyze the image of the 90s in the generational groups "X", "Y" and "Z".

**Theoretical foundations.** The methodological framework includes four main components. First, the theory of collective memory and social oblivion as elements of the construction of reality. Secondly, the cognitive-value structure of the Russian's worldview: a construct for analyzing various components of the worldview, in our case, the image of the 90s. The third component is represented by the theory of generations, according to which individuals identify themselves as belonging to a particular social group (generation) based on a representation of a set of similar qualities determined by self-categorization. Fourth, a morphological analysis that will allow for the decontamination of the nineties as a separate element of political discourse.

**Results and conclusions.** The article highlights some of the results of sociological research conducted in 2024 as part of the project: "Cultural universals in the worldview paradigm of modern Russian society: generational and regional dimensions." The main subject of the analysis was the transcribed data obtained as a result of the conducted focus groups. Based on the materials studied, it is possible to draw the following conclusions about the period of the 1990s: firstly, it is identified by respondents as one of the key points through which the legitimacy of the existing political order is justified, secondly, it has a rather contradictory image, which slows down the process of constructing and consolidating dominant ideas in collective memory, thirdly, continues to be the subject of a symbolic struggle in politics and culture, as a result of which opposite assessments exist in parallel in Russian society, Fourthly, Russian society has developed a steady interest in the period of the 90s, which entails the commercialization of the image and the exploitation of nostalgic experiences.

***Keywords:*** nineties, worldview, cultural universals, generations, political discourse, generation «X», generation «Y», generation «Z», values, cognitive value structure, legitimacy, political ideologies, collective memory

***Acknowledgments:*** The publication was prepared within the framework of the EISI grant No. FENW-2024-0024 on the topic: "Cultural universals in the worldview paradigm of modern Russian society: generational and regional dimensions".

***For citation*:** Tupaev A. V. The image of the 90s in the representations of different generations: based on the materials of a sociological study. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(1):211–218. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-211-218. EDN YFEVIE

## Введение

Обращение к образу «лихих девяностых» – времени слабого российского государства как во внутренней, так и в международной политике, своеобразной национальной трагедии, институционального и экономического кризиса в противопоставлении современному состоянию российского общества, зачастую используется властью для формирования и легитимизации политических решений, возможно, это следующий пункт по значимости для консолидации общества после образа Победы в Великой Отечественной войне. Данный способ соотнесения прошлого и настоящего не является каким-то новым приемом объяснения социального порядка, так, советская власть постоянно делала отсылки, сравнивая достижения коммунистического строя с социально-экономическим состоянием Российской империи в 1913 г., демократические силы,

констатируя свои успехи, ориентировались на поздний период существования СССР с присущей ему экономическим кризисом и дискредитированной идеологией.

О том, что образ 90-х гг. как один из элементов политики памяти претерпевает перманентные корректировки не для того, чтобы приобрести устоявшийся формат, а с целью поддержки образа в актуальном состоянии и использования в дискурсе, свидетельствует присутствие темы в пространстве массмедиа. Популярность относительно недавно вышедших фильмов «Слово пацана. Кровь на асфальте»[1] и «Лихие»[2] демонстрирует неувядающий интерес в обществе к существовавшим социальным практикам конца 80-х – начала 90-х годов, что свидетельствует о процессе конструирования памяти в широком спектре – от высказываний первых лиц государства до телевизионных сериалов и модных трендов одежды. Подтверждается интерес к периоду «лихих девяностых» и рядом современных социологических исследований несмотря на то, что для двух третей россиян этом период связан с тяжелыми воспоминаниями[3] [1–3].

Целью нашего исследования является выявление доступных для анализа характеристик образа 90-х в сознании поколенческих групп «миллениалов» и «Z» посредством интервьюирования участников фокус-групп.

Таким образом, девяностые продолжают наполняться новыми смыслами в процессе проявления различных дискурсов, производных от двух ключевых нарративов, с одной стороны, как периода непопулярных реформ, криминализации общества и «слабого» государства, а, с другой стороны, как времени обретения исторически небывалых до этого свобод и гражданских прав. Наиболее доминирующий механизм создания смысловых конструкций коллективной памяти в отношении девяностых годов можно представить следующим образом: государственная власть продуцирует дискурс, отношение, конкретные образы и оценки, а СМИ превращают предлагаемые формы в дискурс для обоснования принимаемых политических решений и легитимации политического порядка.

**Теоретические основы**

В контексте наших рассуждений об исследовании образа 90-х гг. в двух поколенческих группах определимся с методологическим инструментарием, условно можно выделить три направления. Начнем с исследовательской концепции, предложенной О.Ю. Малиновой, в рамках которой раскрывается анализ репрезентаций образа девяностых в дискурсе власти, и выделяется четыре элемента конструирования коллективной памяти [4, 5] с учетом российской специфики. Во-первых, критическая оценка проводимой политики и ее результатов, что позволяет закрепить образ неэффективного политического управления, поставить под сомнение демократические преобразования и выбор пути развития страны. Во-вторых, закрепление ряда символов эпохи, которые приобрели универсальное содержание и ретроспективно отражаются в сознании граждан России различных поколений. В-третьих, воспроизводство риторики, направленной на создание образа популистской политики, несбывшихся надежд и невыполненных обещаний. В-четвертых, формирование нарративов, связывающих события нулевых годов в процесс формирования крепкой модели государственной власти [4, с. 53–54].

Важен и следующий теоретический контекст в силу того, что 90-е преимущественно обладают негативным образом в современном российском обществе, вместе с тем происходит трансляция негативизма и забвения на конкретные исторические события, которые имеют такие устоявшиеся положительные процессы, как деидеологизация, свобода творчества, политическая конкуренция и формирование демократического нарратива, данный процесс может свидетельствовать о добровольной социальной амнезии [6]. С. П. Поцелуев отмечает, что амнестические эффекты относительно прошлого проявляют поколенческие характеристики, в связи с чем можно представить, что поколения обладают собственной оценкой исторических событий. Более того, если следовать заключениям Х. Арендт, каждое поколение имеет право на пересмотр

[1] «Слово пацана. Кровь на асфальте» (реж. Жора Крыжовников, 2023).
[2] «Лихие» (реж. Юрий Быков, 2024).
[3] См. Россия удивляет: пять эпох в российском общественном мнении (1987-2017) [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-udivlyaet-pyat-epokh-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii-1987-2017 (дата обращения: 15.01.2025).

исторических событий и формирование приемлемой для себя модели памяти о прошлом [7–8]. В этом контексте методологическим потенциалом обладает вся концепция коллективной памяти, предложенная социологом М. Хальбвакси [9], которая рассматривает интерпретацию прошлого не как «механическую» совокупность индивидуальных воспоминаний, а как продукт нарративов, мифов и символов, которые воспроизводятся при помощи социальных практик, политического процесса и общественных институтов.

Использование следующего методологического компонента обусловлено тем, что образ 90-х является одним из политизированных элементов российского мировоззрения, что затрудняет проработку, не позволяет сформировать доминирующие оценки в обществе и закончить с конструированием данного исторического периода. Обильному мифотворчеству также способствуют современные политические события, глобальная коммуникация, конкуренция способов работы с информацией, разнообразие идеологических карт. По мнению М. С. Константинова [10], если подвергнуть деполитизации константы российского мировоззрения, используя методологию когнитивно-идеологического подхода, то это позволит, во-первых, очертить именно базовые константы, которые доминируют в российском обществе, во-вторых, возможно выявить наиболее востребованные ценностные, мировоззренческие и идеологические ориентиры индивида, описать контуры базисной платформы и отправную точку интерпретации социальных процессов и принципов социализации. На основании представленных положений возможно провести своего рода ревизию образа 90-х, деполитизировать и снизить манипулятивный эффект, вывести исторический период из биполярной системы оценивания. Это может способствовать лучшему пониманию взаимодействия различных мировоззренческих парадигм, предвидеть антагонистические кризисы, более качественно работать над механизмами политической и социальной коммуникации, также позволит детальней увидеть расклад ценностей в мировоззренческой картине мира современных россиян.

Учитывая обстоятельства современного политического процесса и постоянно возрастающее взаимодействие информационных, идеологических и мировоззренческих установок на сознание индивидов в российском обществе, образ эпохи последнего десятилетия прошлого столетия не теряет актуальности, становится объектом различных научных исследований. Одним из таких исследований выступает анализ мировоззренческих установок группового сознания россиян в поколенческом аспекте, что позволило выявить ряд когнитивно-ценностных установок, в том числе и в отношении к эпохе девяностых.

**Результаты и обсуждение**

Всероссийское репрезентативное исследование мировоззрения россиян было проведено в октябре–декабре 2023 г., с результатами которого можно ознакомиться в изданной монографии [2]. Одной из целей исследования являлось выявление мировозренческих моделей различных поколений россиян (возрастные группы: 18–24, 25–39, 40–59 и 60+ лет) посредством саморепрезентации. Методологическими основаниями для анализа социальных данных послужил механизм самокатегоризации и определения метод констант, на основании которых индивиды определяют себя как члены той или иной социальной группы, учитывая групповую совокупность социальных качеств, а также разработан конструкт анализа мировоззренческих моделей на основании таких концептов, как когнитивный механизм самокатегоризации поколения, аксиологические доминанты, поколенческое мировоззрение [2, с. 5–6]. Полученные результаты продемонстрировали наличие некоторого количества установок и инвариантных ценностей для россиян вне зависимости от возраста и региональной специфики.

В 2024 г. исследование было продолжено в рамках проекта «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения», фокус исследования сместился в сторону анализа культурных констант мировоззренческих моделей, передающихся от поколения к поколению, что позволяет сформулировать культурно-ценностные предпочтения россиян, их динамику в контексте взаимодействия поколений. Целью исследования выступает уточнение и адаптация к социокультурной динамике ключевых когнитивно-ценностных констант российской цивилизации. Актуальность, во-первых, обусловлена и тем, что запрос на осознание цивилизационной самобытности России

культивируется властью, это проявляется и в стратегии национальной безопасности, государственной молодежной политики, общественно-политическом дискурсе, трансформации системы образования. Во-вторых, определение цивилизационных констант способствует формированию социокультурного пространства, в рамках которого выстраиваются нравственные, культурные, материальные и правовые ценности общества.

Методами сбора эмпирической информации выступали анкетирование и классический тип фокус-групп из 10–15 человек продолжительностью 95–120 минут, проведенные с каждой поколенческой группой. Процесс группового интервьюирования выстраивался согласно тематическим блокам, определенных в гайде: первый блок заключался в выявлении основных характеристик поколений в контексте их собственных представлений о себе и других поколениях. Второй блок выявлял основные характеристики понимания справедливости в возрастной группе. Третий блок вопросов касался проблематики лояльности восприятия внутри группы и между группами. Четвертый блок выявлял признание авторитета и уважение к власти. Пятый блок заключался в определении отношения к морали и праведности.

Анализ групповых интервью показывает, что конструирование образа 90-х захватывает более обширный спектр исторических событий, который включает в себя трансформацию в рамках перестройки, развала СССР, возникновения демократической России, кризиса политической власти 1993 г. и сопутствующих экономических реформ.

«Зумеры» нашей страны – это первое поколение, полностью рожденное в Российской Федерации, границы очерчиваются периодом с 1997 по 2012 гг., хотя в поколенческой теории существуют споры о смещении поздних лет рождения «миллениалов» на ещё более поздний период, но в фокус-группе были индивиды от 18 до 24 лет. В целом респонденты выделяют 90-е как одно из ключевых событий, повлиявших на поколения «Y» и «X», однако сами же ощущают меньшую зависимость от тех событий.

На вопрос о том, как определяет поколение «Z» поколение «миллениалов», было высказано двоякое мнение: с одной стороны, 90-е годы активно повлияли на рост разочарованности, запутанности и непонимания обстановки, с другой стороны, тяжёлый период 90-х годов сделал из поколения «Y» крайне стойких, выносливых и сильных людей. Отметим, что поколение «зумеров» не является свидетелем происходивших событий; их коллективная поколенческая память сформирована на основании сконструированного образа без индивидуальных воспоминаний. Отсюда и доминирующие суждения о периоде «лихих девяностых», которые преимущественно сформированы институтами образования, политическим дискурсом и средствами массовой информации.

Определенно значимым событием для поколения «Y» является распад СССР и возникшие последствия. *«Нашему поколению досталось все: даже изменение государственного строя»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.2). Вот еще позиция: *«Поздний советский период проблематизирован сильно, Союз распался – это было неправильно, процедуры были незаконные и то, что получилось потом. 90-е годы – это не то, как государство должно трансформироваться хорошим образом. Мы хотели построить капиталистическое будущее и что-то построили, но те моменты, которые были в СССР, их сейчас нет»* (фокус-группа поколения «Y», М.3).

Однако поколение «Y» имеет определенные особенности, которые необходимо учитывать при проведении анализа, это связано с тем, что возрастной спектр представлен 25 – 39 годами, то есть самые старшие в этой группе родились в СССР и их мировоззренческое становление приходилось на переломное время начала и середины 90-х, когда страна прошла через кризисы, криминал, идеологическую турбулентность, демократизацию, поэтому они ментально более близки к представителям поколения «X». А рожденные в конце 90-х, младшие в этой группе, мировоззренчески сформировались в России 2000-х гг., где существовали устойчивые политические тренды. Вот высказывание более старших представителей группы: «*Первое событие, которое, мне кажется, в нашем поколении – это развал СССР и то, что мы, вот именно наше поколение, почувствовало технологический разрыв… у нас же не было ни телефонов, ничего такого, когда мы росли*» (фокус-группа поколения «Y», Ж.1). «*Время перестройки – это, с одной стороны, хорошо, с другой стороны – не очень, у нас было советское время, мне тоже было мало лет, но мы стремились, нам нравились вот эти все там «макдональдсы». Мы этого все хотели, но мы не видели того, что есть у нас. Мы там хотели все заграничное*» (фокус-группа поколения «Y», Ж.2).

Представители, рожденные в конце 90-х, иначе интерпретируют значимое для их группы историческое событие. *«Знаете, наверное, все-таки в силу возраста, я абсолютно не помню то поколение, которое было до Владимира Владимировича. Ну, то есть абсолютно не помню … когда пришел Владимир Владимирович»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.3).

Приведу пример достаточно интересного высказывания одного из респондентов, которое содержит комплексные характеристики своего поколения, а также прослеживается отношение к старшему и младшему поколению. *«Хочу сказать, что я застала и распад СССР в маленьком возрасте, и приход Владимира Владимировича Путина. Мы совсем недавно говорили об этом с детьми, что материальных благ стало намного больше и жить стало проще. Сейчас больше возможностей, то есть, если раньше ты выучился на врача, то ты будешь всю жизнь врачом, а сейчас можно получить различные квалификации, переквалифицироваться, закончить какие-то курсы и получить новую профессию в достаточно короткий срок. В этом плане стало намного лучше, но, к сожалению, теряются ценности, такие как ценность семьи и тому подобные. В каком-то плане родители в такой гонке* (за достатком) *часто забывают, не скажу, что совсем забывают детей, но, тем не менее, проводят с ними намного меньше времени, намного проще дать детям какие-то материальные блага, чем провести с ними там выходной»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.4).

В этом контексте интересно высказывание стороннего представителя для обеих групп, который, сравнивая поколения «Y» и «Z», наделяет их определенными характеристиками. *«А мне кажется, что поколения 80-х и 90-х сильно отличаются друг от друга, поколение 90-х – там такой раздрай, хотя есть те, кто получил возможности и добились, а есть потерянные. А вот поколение 2000-х – это дети, получившие возможности и умеющие ими пользоваться»* (фокус-группа поколения «X», М.1).

Существующая стратегия власти в процессе культивирования образа данного нарратива заключается, с одной стороны, в деконструкции стереотипа формирования симпатий к советской эпохе, а, с другой стороны, конструирование образов, идеализирующих ельцинский период демократизации и «лихие 90-е». Различные политические силы интерпретируют «лихие 90-е» в угоду своим политическим проектам. Так, для либеральной оппозиции нулевых и десятых годов было выгодно формировать представление о позитивной свободе и вытекающих из этого возможностей для российского общества. Государственники в силу того, что стабильность является одним из основных элементов легитимности современной системы, транслируют 90-е максимально в негативной коннотации. Данные выводы подтверждаются и анализом высказываний респондентов. Так, представители поколения «Z» (18–24 лет) наиболее подвержены существующей молодежной политике, характеризуют данный период как время беззакония, слабости власти и государства с минимальными социальными гарантиями и смутными перспективами образа будущего, когда как в представлениях поколения «миллениалов» (25–39 лет) и «X» (40–59 лет) данный период воспринимается как время возможностей, которое способствовало формированию в экзистенциональном плане надежд на себя и выстроило определенное отношение к материальным благам. *«Я помню эти лихие 80–90-е. Вот эти вот талончики, с которыми стояли в очереди – это было так ценно! Когда у нас не было еды, у нас не было тех благ, которые сейчас есть у наших детей. Я помню, как мы стояли за сахаром, за хлебом. Это настолько важно! Да, и мы ценили каждый кусок колбасы, каждый кусок картошки, мяса… всего, что угодно. И настолько это было ценно, что сейчас молодёжь наша не ценит. Они приходят домой, грубо говоря, и начинают перебирать харчами. А когда я вспоминаю себя, что у нас не было одежды особо. И мы довольствовались тем, что было у нас»* (фокус-группа поколения «X»). А вот еще высказывание «миллениала», которое характеризует экономическое положение в 90-х: *«Сейчас у нас есть стабильная зарплата, мы можем заработать – тогда этого не было. И бедные родители пытались хоть чем-то, как-то нас – на поле картошку собирали. С одной стороны, это было интересно, задорно, это сплачивает семью. Поэтому где-то и семьи не разводились»* (фокус-группа поколения «Y», Ж.5).

Респонденты из поколения «X» предлагают взвешенную оценку исторических событий, повлиявших на формирование их мировоззрения и социальные установки, приведем два высказывания, которые достаточно качественно отражают личные впечатления о событиях

и трансформации социальной реальности. *«Когда это государство, которое приучало к уважению, к следованию в кильватере Коммунистической партии и так далее, бросило народ простонапросто в коммерческий базар, или как, рынок это не назовёшь… И понятно, надо было перестраиваться… совершенно не было такого, что прям все добрые… потому что все ужасы 90-х и двухтысячных – это как раз, в большинстве своём, наше поколение то и делало. И тут люди быстро, многие, перековались. Всё равно основная, подавляющая масса… почему и для него это была дикая ломка, потому что, действительно, люди росли в детстве, как бы, с ощущением, с верой в государство, в какие-то идеалы, в светлое будущее… А оказалось потом, что для того, чтобы просто выжить, прокормить себя и свою семью, надо наплевать на соседей, друзей и так далее, и пытаться заработать этот хлеб насущный. Конечно, поколение изломано, наше, но при этом всём именно то, что в детстве, в самом маленьком, закладывалось – оно всё-таки у большинства, как я считаю, вижу, какие-то остались основы. И поэтому родители уже не авторитет, школа не авторитет…»* (фокус-группа поколения «Х», М.2). Очевидный распад Советского Союза и период 90-х является серьезной непроработанной мировоззренческой травмой. Дезинтеграция бывшего единого пространства вызвала у многих чувство утраты великой державы и обиду за снижение престижа страны на мировой арене. Кроме того, распад привел к острой экономической нестабильности – многие потеряли свои рабочие места в результате разрушения промышленности и резкого перехода к рыночной экономике. Это также повлияло на уровень социального напряжения и вызвало беспокойство относительно будущего, о чем свидетельствуют многие высказывания респондентов.

**Выводы**

В порядке общего заключения об образе 90-х можно констатировать, что это наиболее драматичный отрезок времени в истории современной России, государственный строй к началу 2000-х находился в кризисном состоянии, властно-бюрократический аппарат утрачивал свои легитимность и легальность, страна разваливалась территориально, а общество было деморализовано.

В рамках данной работы есть возможность указать лишь на некоторые аспекты, извлеченные из массива социологических исследований, которые представим следующими выводами. Во-первых, несмотря на доминирующий образ эпохи девяностых, существуют поколенческие отличия в восприятии, так, представители «Х» в силу того, что данный период приходится на их расцвет экономической и политической субъектности, характеризуют как время возможностей, но не стремятся идентифицировать себя как ответственных за политический кризис, выступают своеобразным звеном, связывающим советское прошлое и новую Россию. Утрата СССР до сих пор вызывает во всех поколениях тревожные переживания и ностальгические образы. Однако прослеживается следующие закономерности: чем старше поколение, тем более положительные воспоминания о советском периоде и более негативные о событиях и последствиях 90-х.

Во-вторых, для поколений «Z» и «миллениалов» девяностые приобрели достаточно устоявшийся образ, доминирующий в коллективной памяти, как время тотального кризиса, однако некоторые респонденты, оценивая современные социально-политические процессы, утверждают, что создается впечатление возврата девяностых (как в девяностых), развитие такой когнитивно-ценностной доминанты может способствовать делегитимизации власти, нивелированию негативного образа. В-третьих, исследование показало, что во всех поколениях отсылка к легитимирующей функции образа девяностых претерпевает трансформацию, как таковое целостное представление о периоде не отражено в коллективной памяти, достаточно устойчивы только некоторые элементы, такие как слабая власть, развал страны, экономические трудности, что безусловно сказывается на символическом капитале всего периода 90-х годов.

Вряд ли мы сможем наблюдать утрату интереса к образу девяностых годов как со стороны власти, так и научного сообщества, уж достаточно весомый символический капитал сосредоточен в этом периоде, поэтому востребованность лонгитюдных социологических исследований для понимания динамики образа будет только возрастать.

**Список источников**

1. Константинов М. С. Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.) // Социодинамика. 2024. № 12. С. 38–50.
2. Мировоззренческие модели современных россиян / М. С. Константинов, Т. А. Подшибякина, С. П. Поцелуев, Р. А. Пупыкин. Ростов-на-Дону – Таганрог: ЮФУ, 2023. 288 с.
3. Константинов М. С. Социально-политические установки и ожидания студенческой молодёжи Ростовской области (по материалам анкетированного опроса 2019 г.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 193–202. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-193-202.
4. Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69.
5. Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 91–105.
6. Поцелуев С.П. К вопросу о типологии социальной амнезии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 557–568.
7. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
8. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Константинов М. С. Мировоззренческие модели современного российского общества: теоретико-методологический конструкт исследования // Философская мысль. 2024. № 12. С. 75–89.

**References**

1. Konstantinov M. S. Worldview models of modern Russians (based on the results of a questionnaire survey in 2023). *Sociodynamics.* 2024;(12):38-50. (In Russ.)
2. *Ideological models of modern Russians* / M. S. Konstantinov, T. A. Podshibyakina, S. P. Potseluev, R. A. Pupykin. Rostov-on-Don – Taganrog : Southern Federal University, 2023. 288 p. (In Russ.)
3. Konstantinov M. S. Social and political guidance and expectations of the students of Rostov region (based on the 2019 questionnaire). *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2020;(1):193–202. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-193-202. (In Russ.)
4. Malinova O. Yu. Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about «The Hard Nineties» in the Vladimir Putin`s Discourse. *Political science.* 2018;(3):45–69. (In Russ.)
5. Malinova O. Yu. Constructing a semantic framework of memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse of the 2000s. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2019;20(3):91-105. (In Russ.)
6. Potseluev S. P. On the typology of social amnesia. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. *Philosophy and Conflict Studies*. 2023;39(3):557– 568. (In Russ.)
7. Arendt X. *Between Past and Future. Eight exercises in Political Thought.* Transl. from English and German. D. Aronson. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara; 2014. 416 p.
8. Assman A. *New discontent with memorial culture.* Transl. from German. Boris Khlebnikov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 325 p. (In Russ.)
9. Halbwaks M. *The social framework of memory.* Novoye izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
10. Konstantinov M. S. Ideological models of modern Russian society: a theoretical and methodological research construct. *Philosophical Thought'.* 2024;(12):75-89. (In Russ.)

***Информация об авторе***

А. В. Тупаев – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

***Information about the author***

A. V. Tupaev – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Institute of Philosophy and Social and Political Studies of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.
The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 27.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.